

Леонов Иван Владимирович

кандидат культурологии,
докторант кафедры теории и истории культуры
Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ
«УЛИКОВОЙ ПАРАДИГМЫ»
В РЕКОНСТРУКЦИИ
МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ
КОНЦЕПТОВ БЫТИЯ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу эвристических возможностей «уликовой парадигмы» в реконструкции представлений человека о мировой истории, формируемых на уровне картины мира, в контексте той или иной культуры. В статье раскрываются основные характеристики «уликовой парадигмы», а также осуществляется обзор основных теорий, представляющих собой убедительные примеры ее использования в отношении изучения макроисторических концептов мира в культурах древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Ключевые слова:

культура, картина мира, макроистория, древность, Средневековье, Новое время, Новейшее время, «уликовая парадигма», концепт, гештальт, паттерн.

Leonov Ivan Vladimirovich

PhD in Cultural Science, Doctoral student,
Theory and History of Culture Department,
Russian State Pedagogical University

**CONCERNING APPLICATION OF
“EVIDENTIAL PARADIGM”
IN THE RECONSTRUCTION OF
MACRO-HISTORICAL
CONCEPTS OF BEING**

Summary:

This article deals with heuristic resources of the “evidential paradigm” in the reconstruction of human representations of world history, formed at the level of worldview in the context of a particular culture. The article describes the main features of the evidential paradigm and overviews the principle theories excelling as an example of its application in the study of macro-historical concepts of the world in ancient, medieval, modern and contemporary cultures.

Keywords:

culture, picture of the world, macro-history, antiquity, Middle Ages, Modern Age, Contemporary History, “evidential paradigm”, concept, gestalt, pattern.

Настоящая статья посвящена проблеме применения «уликовой парадигмы» в области изучения глубинных факторов, определяющих понимание человеком мира в его макроисторических проекциях. Актуальность данной области исследований обусловлена тем, что в ходе изучения различных авторских концептов универсальной истории человечества свое проявление обнаруживают определенные феномены сознания, которые на уровне своеобразного «архетипа» или «кода» определяют единообразное понимание мировой истории со стороны различных исследователей, исповедующих самые разные научные убеждения, однако являющихся представителями одной и той же культуры. Обозначенная закономерность показывает, что на уровне различных культур существуют некие единые «начала», тождественные коллективным «образам мира» и определяющие фактор общности в его постижении. Соответственно, изучение указанных феноменов, формирующих единообразные тенденции в развитии научных трактовок макроистории, позволяет пролить свет на некоторые «скрытые» стороны данного ноогенеза. Однако указанные «начала» не всегда удается обнаружить, поскольку не все культуры содержат артефакты и «тексты», которые создавались специально для того, чтобы концептуально выразить «образ мира», включая особое понимание смысла мировой истории. Кроме того, во многих культурах, где такие «тексты» были созданы, со временем произошла их утрата. И, наконец, существуют древнейшие и древние культуры, анализ мировоззренческих концептов которых затруднен минимумом доступных для исследователя данных.

Одним из способов изучения представленной проблематики является применение «уликовой парадигмы» (или «парадигмы непрямых свидетельств»), позволяющей реконструировать представления человека о мироздании, включая его макроисторическую составляющую, на основании определенных «улик» или «косвенных данных».

Суть «уликовой парадигмы» была концептуально сформулирована К. Гинзбургом в статье «Приметы. Уликовая парадигма и ее корни» (1979) [1, с. 189–241]. В частности, на основании анализа исследовательских доктрин и методов Дж. Морелли, З. Фрейда, Ф. Гальтона и А.К. Дойла К. Гинзбург обозначил существенные черты «уликовой парадигмы» как доктрины познания, основанной на анализе, казалось бы, незначительных «улик» или деталей, позволяющих пролить

свет на весь изучаемый объект. В результате в контексте данного подхода скрытая природа многих изучаемых объектов предстала как принципиально познаваемая посредством изучения косвенных данных, способных отражать ключевую информацию о целых объектах, подобно «лакмусовой бумаге» или «отпечатку пальца». Важно указать, что обнаружение скрытых связей между «уликой» и изучаемым объектом первоначально может строиться на интуитивном проникновении исследователя в его суть, начиная с уровня догадок и предположений и заканчивая уровнем построения комплексных гипотез или опережающих абдуктивных конструкторов. Как следствие, в случае своей научной оправданности данные гипотезы и предположения принимают облик устойчивых способов познания, а *дешифровка* различных «улик» по оправдавшим себя методикам становится основой для понимания морфологии целого.

К относительно немногим убедительным примерам применения «уликовой парадигмы» в изучении представлений человека ранних культур о мире можно отнести неоднократно переиздававшуюся в сборниках и учебных пособиях статью российского культуролога, искусствоведа Л.М. Мосоловой ««Обыкновенный» горшок и его культурный космос (о феномене гончарного искусства в культуре Древней Евразии)» (2001). В частности, в представленной статье на основании детального анализа «улик», относящихся к феноменологическим характеристикам лепного сосуда XV–XII вв. до н. э. из погребальных комплексов с. Боровое, Л.М. Мосоловой была осуществлена реконструкция картины мира представителей андроновской культурной общности. В качестве «улик», раскрывающих информацию о том, как андроновцы интерпретировали мир, в представленной статье рассматриваются особенности техники изготовления керамического артефакта, общие характеристики его формы, поддона и «горлышка», семантика трехчастной структуры геометрического орнамента и специфики отдельных орнаментальных элементов. «Дешифровка» отмеченных «улик» как своеобразных «маркеров» явлений большего порядка была выполнена Л.М. Мосоловой с опорой на накопленные к настоящему времени данные о представителях андроновской культурной общности, включая материальные памятники и генетически связанные с данной общностью священные тексты. В результате, исходя из доминанты кочевой составляющей в образе жизни индоевропейцев, формирующей особое, мифопоэтическое понимание бытия, Л.М. Мосолова обосновала отражение модели мира данной общности в рассматриваемом артефакте. Основу данного подхода составил тезис, согласно которому особенностью мифопоэтической картины мира является то, что «...природа в ней предстает не как итог переработки непосредственных данных органами чувств, а как следствие их вторичной перекодировки с помощью знаковых систем» [2, с. 15], а «язык конструкций и орнамента, освобожденный от конкретной изобразительности, подобно языку музыки и танца, открывает доступ к весьма обобщенной поэтической информации, к полаганию смыслов далекой протородственной нам культуры» [3, с. 14]. Как следствие, на основании анализа «косвенных» и, казалось бы, незначительных данных «обыкновенного горшка» исследователю удалось представить убедительный и логически выстроенный концепт мироздания андроновского человека.

Отдельного внимания в рассматриваемом вопросе заслуживают работы российского археолога Д.Г. Савинова, посвященные изучению петроглифов целого спектра культур Евразии. В частности, изучая многочисленные петроглифические изображения, относящиеся к древним и средневековым культурам, Д.Г. Савинов предложил своеобразную типологию петроглифов, основанную на четырех последовательно сменяющих друг друга «парадигмах», отражающих связь смыслового содержания и назначения наскальных изображений, выступающих в данном случае «уликами», с миром духовных ценностей их создателей. Первоначально, по мнению Д.Г. Савинова, в истории ранних культур доминирует тотемическая парадигма, отражающая «...определенное состояние конкретно-чувственного мировоззрения, когда человек и явления живой природы, воспринимаемые им в изображениях, составляли единое целое, столь же реальное и непосредственное, как и весь окружающий мир» [4, с. 87]. Далее наступает время мифологической парадигмы, направленной на отражение закрепленной традицией памяти о легендарных персонажах и предках. Затем следует период эпической парадигмы, для которой характерно изобразительное повествование о жизни и приключениях не только мифологических, но и исторических героев. И, наконец, в контексте палеозтнографической парадигмы динамика представлений о мире входит в своеобразную «духовную обскурацию», обретая приземленный характер на уровне изображений обыденных сцен жизни. По своей сути, будучи сформулированными на основании внешних признаков петроглифических изображений, данные парадигмы отражают системообразующие начала или паттерны, вокруг которых формируются общие концепты мироустройства, допускающие специфические трактовки исторической макродинамики мира. Кроме того, важно отдельно подчеркнуть, что типология, предложенная Д.Г. Савиновым, носит динамический характер и раскрывает общую логику развития представлений о мире в контексте макродинамики древнейших культур.

Наиболее раннее исследование макроисторических представлений, сформировавшихся в культурах, достигших стадии цивилизационного развития, было предпринято О. Шпенглером. В качестве источников, представляющих основу для выявления данных представлений, О. Шпенглер использовал материал, касающийся не только явно сформулированных трактовок культурно-исторического процесса, содержащихся в трудах историков и философов прошлых эпох. Большую часть в исследовании отмеченных вопросов в работе автора занимает анализ источников, на первый взгляд не имеющих прямого отношения к рассматриваемой проблематике, однако позволяющих строить представления о ней. К таковым относятся: различные типы математического мышления или «стилей» математики; множество «языков» и форм «больших искусств». Кроме того, автор уделяет внимание специфике «мирочувствования»; особенностям похоронного ритуала; характеру сексуальных отношений; специфике сакрального знания; появлению тех или иных изобретений; соотношению коллективных и личных интересов; «взаимоотношениям» человека и богов; склонности представителей тех или иных культур к собирательству и коллекционированию и т. д. В результате на уровне анализа различных «улик» О. Шпенглер выстроил определенные картины макроистории, присущие для египтян, греков, римлян, индусов, китайцев, а также арабов и представителей западноевропейской культуры. Например, «египетская душа», согласно исследователю, была наделена исключительной предрасположенностью к истории, потому что обладала «прамировой устремленностью» на бесконечное прошлое и будущее. Более того, прошлое и будущее представало для египтян как часть их реального бытия. В таком видении настоящее воспринималось ими как некая сиюминутная и незначительная граница между двумя векторами мирового времени. Отмеченное качество делало египтян абсолютно направленными на заботу о прошлом, которое фиксировалось и «консервировалось» в данной культуре всеми возможными способами (в первую очередь речь идет об обряде мумификации); с таким же трепетом египтяне заботились и о будущем, к которому тщательно готовились. В отличие от египтян, представители древнеиндийской культуры, органическая часть которой, согласно О. Шпенглеру, завершилась с возникновением буддизма, были полностью неисторичны. Гештальт мира-как-истории в данной культуре автор называет «анонимным», основываясь на том, что историческое время в отмеченном гештальте не получает выражения. На этом основании в историческом сознании индусов все пространство событий смешивалось в некую одновременную совокупность опыта; в состояние «сейчас», исключая постановку вопроса «когда?». Как следствие, для отмеченной культуры, представители которой «забывали все», первоочередное значение имело состояние сиюминутности жизни, получившее выражение в своеобразной философии, идее Нирваны, «смаковании текущего момента» и эротизме.

В свою очередь, представители древнегреческой и древнеримской культуры, согласно О. Шпенглеру, были абсолютно аисторичны. В картине мира греков и римлян доминировала статика и «чистое пространство» в виде «покоящейся близости», а их историческая память характеризовалась отсутствием упорядочивающих перспектив времени, представляя собой «абсолютное настоящее». Исходя из того, что эллины не могли воспринимать время как однонаправленный процесс, О. Шпенглер делает вывод, что их совершенно не интересовали вопросы «откуда?» и «куда?», а понятие «универсальная история», согласно немецкому ученому, было для них просто невозможным. Как следствие, прошлое воспринималось греками и римлянами в виде вневременной покоящейся неперiodической структуры, представляющей собой «ряд анекдотов» и «пластических частностей», поскольку вместо исторической памяти для эллинов первостепенную роль играл практический опыт. Подтверждения данного понимания мира-как-истории греками и римлянами О. Шпенглер находит в античном обряде сожжения мертвых – полной противоположности египетской мумификации; в греко-римском мифотворчестве как форме памяти; в характере математики конечных величин, основанной на отражении абстрактного и статического начал; в стереометрии двумерных плоскостей; в точечной геометрии, полностью замкнутой на текущем моменте; в физике покоящихся тел; во вневременном и статичном искусстве, основанном на «трагедии мгновений»; в эротизме и сиюминутности греко-римской культуры, основанной на «смаковании момента».

И, наконец, в ходе анализа мира-как-истории глазами представителей западноевропейской культуры О. Шпенглер фиксирует абсолютную предрасположенность Запада к всемирно-исторической картине мира, в которой европейцы «чувствуют себя как дома». По данному поводу автор отмечает, что «мы, люди западноевропейской культуры, с нашим историческим чувством являемся исключением, а не правилом. “Всемирная история” – это *наша* картина мира, а не картина “человечества”» [5, с. 174]. В частности, согласно Шпенглеру, история для европейцев выглядит как движение мира к определенной цели, как комплекс взаимосвязей причин и следствий, а также порождений одних событий другими. Прошлое в таком видении предстает как расчлененная на периоды ясная и выстроенная последовательность, логика реализации которой определяет направленность временного вектора истории в будущее, по сути уходящее в бесконечность. Пространство в

данном динамическом гештальте, отражая череду постоянных изменений, получает импульс к расширению, попадая в зависимость от временных параметров истории. Обоснование данной трактовки западного гештальта мира-как-истории О. Шпенглер строит: в контексте анализа становления европейской абстрактно-пространственной математики, включающей использование иррациональных и дробных чисел, а также направленной на анализ взаимоотношений величин и их функций; посредством учета особенностей динамической физики безграничного пространства; с опорой на факт изобретения и распространения механических часов в европейской культуре; посредством анализа «трагедии стадий», господствующей в западном мышлении; в контексте склонности западного мышления к измерению и упорядочиванию всех сфер бытия; на основании феномена почитания матери и отца; а также в контексте анализа произведений искусства, в первую очередь готической архитектуры, литературы, а также ренессансной и барочной живописи. Кроме того, относительно данной картины истории автор отмечает, что ее распространение в науке Нового времени привело к отрицательным последствиям, а именно – к постепенному формированию неспособности ее носителей к восприятию других гештальтов мира-как-истории.

Примером использования «уликовой парадигмы» в отношении реконструкции мировоззрения человека более поздних эпох являются работы самого К. Гинзбурга, в частности его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» (1976), в которой на основании анализа протоколов инквизиционного процесса XVI в. К. Гинзбург осуществляет реконструкцию картины мира фриульского мельника, жившего на севере Италии и приговоренного к смертной казни за свои убеждения. Интерес К. Гинзбурга к фигуре Д. Сканделла был вызван тем, что, судя по сохранившимся документам, содержащим фрагментарные высказывания мельника, ему удалось создать достаточно оригинальную и нетипичную для своего окружения картину мира, представляющую собой некий «сплав» идей, которые находят свое отражение в области сложного и противоречивого пространства постренессансной европейской культуры в ее хронологических и сословных измерениях. Как следствие, на основании сохранившихся протоколов допросов К. Гинзбург осуществил реконструкцию картины мира фриульского крестьянина, отследив, как «из множества разнородных элементов, разной степени древности, слагалась новая конструкция» [6, с. 141], а именно картина мира фриульского мельника, который «без всякого стеснения <...> пользовался осколками чужих мыслей, как каменщик – кирпичами, выломанными из руины» [7, с. 142]. «Уликами» в указанной реконструкции явились высказывания самого Д. Сканделла и отрывочная информация о тех книгах, которые он мог прочитать на протяжении жизни и под влиянием которых формировался его концепт мироздания.

Помимо рассмотренных работ, в данном ряду необходимо упомянуть труды Г.Д. Гачева [8], посвятившего весомую часть своей научной деятельности изучению вопросов, связанных с формированием специфических «образов мира» в контексте целого ряда культур. Реализуя данную задачу и следуя методологическим установкам О. Шпенглера, Г.Д. Гачев «погружался» на несколько лет в пространство той или иной культуры, буквально «вживаясь» в сознание ее представителей, с целью достижения того уровня понимания реальности, который являлся определяющим для данной культуры. Материалом, который использовал Г.Д. Гачев в процессе интеллектуального «погружения» в пространство различных культур, выступали все доступные источники, включая «улики», несущие на себе лишь «отпечатки» той или иной культуры. К таковым источникам относятся: естественные и формальные языки, литература и искусство, особенности науки и в целом широкий спектр материальных артефактов и продуктов духовной активности человека. Как следствие, по прошествии нескольких десятилетий кропотливой работы Г.Д. Гачев представил целую серию «национальных образов мира».

С целью фиксации различных «образов мира» Г.Д. Гачев разработал собственную методику, основанную на использовании нескольких взаимосвязанных параметров инварианта картины мира, анализ которых позволяет раскрыть специфику многообразных «образов мира», а также дает возможность осуществлять их сравнительное изучение. Ключевое место среди параметров инварианта картины мира в рассматриваемой концепции занимает особое понимание пространства и времени, складывающееся в контексте различных культур. Необходимо указать, что анализ данных параметров, играющих в морфогенезе картины мира ключевую роль, получил в работах Г.Д. Гачева несколько конкретизаций. Во-первых, речь идет о фиксации предпочтений той или иной культуры в отношении акцентов либо на временную, либо на пространственную составляющую в понимании мира. Соответственно все «образы мира» делятся автором на те, в которых особое значение уделяется пространству, и на те, в которых главенствующую роль играет время. Во-вторых, в контексте решения пространственных параметров мира Г.Д. Гачев фиксирует фактор различных соотношений его «горизонтальных» и «вертикальных» измерений, образующих специфические комбинации в мировоззрении различных культур. И в-третьих, с соотношением горизонтальных и вертикальных измерений в трактовке пространства исследователь

соотносит характер восприятия хода времени, отмечая на уровне отдельных культур соответствующие модели его динамики, а также основные векторы направленности. Другим важным параметром картины мира в рассматриваемой концепции выступает идейная составляющая культуры, и в первую очередь ее «стержневые идеи», обеспечивающие смысловые связки фрагментов любого «образа мира». Еще одним параметром является характер представлений различных народов об особенностях морфогенеза или происхождения мира. Названный параметр раскрывается исследователем в контексте двух противоположных трактовок данного процесса, в частности трактовки происхождения мира как «рождения» («гонии»; от природы) либо как «творения» («ургии»; при помощи труда). И наконец, особым параметром, который применяет Г.Д. Гачев в раскрытии множества картин мира, является специфический склад мышления той или иной культуры, поскольку именно в специфических формах мышления рождаются ключевые вопросы, отражающие основу миропонимания любого народа. Как следствие, изучая уникальные соотношения отмеченных параметров в различных культурах, Г.Д. Гачев сформулировал развернутую характеристику русского, американского, французского, немецкого, английского, итальянского, греческого, грузинского, польского, еврейского, киргизского и других «образов мира».

Учитывая, что данная характеристика затронула практически все стороны мировоззрения обозначенных культур, можно сделать вывод, что в контексте работ Г.Д. Гачева свое отражение получили и некоторые устойчивые «связки идей», раскрывающие особое понимание «мира-как-истории» со стороны представителей различных культур, на уровне соответствующих паттернов.

К примеру, в контексте русского «образа мира» мир-как-история предстает в своей «горизонтальной» и достаточно широкой пространственной протяженности, историческое освоение которой требует относительно много времени. Данное обстоятельство влияет на то, что для представителей русской культуры ритмы истории, в сравнении с ее европейскими версиями, предстают как медленные и даже несколько вялые. В восприятии понятийной пары «пространство и время» в русском образе мира акцент делается на пространстве. Историческое время, как и пространственная протяженность бытия, воспринимается русскими в виде лишнего выраженной динамики циклического вектора, уходящего в однонаправленную бесконечность. Мир в рассматриваемом «образе» воспринимается как изначально рожденный природой и существующий на основании действия неких установленных свыше законов. В разворачивании мировой истории в русской «картине мира» особый статус имеет не отдельный человек, а коллектив, жизнедеятельность которого не противостоит миру, а вписывается в общий поток мировых процессов. В смысловом плане основу мира-как-истории для русских составляет их следование высшему смыслу, который дается со стороны духовного абсолюта либо государства и делает всех людей сопричастными друг другу и миру в целом.

В свою очередь в немецком «образе мира» присутствует явный «ургический» акцент, обеспечивающий высокий статус времени, ход которого однонаправлен, динамичен и драматичен. Кроме того, время в представлении немцев не континуально, а дискретно и сравнивается Г.Д. Гачевым с чередой сменяющих друг друга «рубленых отрезков». Пространство в данном «образе» статично и горизонтально ограничено, представляя собой «от-странство», «у-странение», а не «распро-странение». Такое пространство имеет тенденцию к расширению по «вертикали», направляя познавательную активность немцев в сторону постижения смысла и причинности бытия. Отмеченный познавательный вектор рождает смысловую составляющую истории, которая характеризуется особым диалогом на уровне деятельного человека и Абсолюта, а в более масштабном плане – на уровне конструктивных сил и их деструктивных противоположностей. Принципиально историчный мир, будучи для немцев беспокойной и развивающейся субстанцией, сотворенной трудом Высшего начала, включает в себя активного субъекта как на уровне отдельной личности, так и на уровне развивающихся народов и государств. Соответственно воля и энергия человека имеют высокое значение в реализации смысла мировой истории, однако данное значение ограничивается законами и правилами, установленными высшим абсолютом.

В английской картине мира центром истории, благодаря своему островному положению, выступает Англия. В основе смысловой составляющей рассматриваемого «образа» мира, который был создан трудом божества, лежит идея человека, который «познал» и «создал себя сам». Отсюда, согласно представлениям англичан, человек выступает как носитель особого смысла истории, суть которой сводится к раскрытию его умственных и преобразовательных способностей. На этом основании англичанин воспринимает себя как решающее звено мировой истории, как ценность, обладающую множеством личных прав и достоинств. Примечательно, что Г.Д. Гачев, анализируя данный вопрос, фиксирует «монизм», иначе говоря, относительно простоту и понятность английских трактовок смыслов мироздания, которые, принимая традиционный характер, надолго задерживаются в английской истории. Кроме того, исследователь отмечает, что в представлении англичан мир-как-история носит динамичный характер, а его временная протя-

женность, имея направленность на будущее, соотносится с фактором преобразовательной активности человека. Пространственная составляющая мировой истории в рассматриваемом «образе мира», будучи ограниченной островным положением Англии, имеет тенденцию к «имперскому» расширению. Кроме того, при всех обозначенных характеристиках, в английском понимании мира особое место отводится «историческим корням», в частности памяти о своем происхождении, а также привязке человека к первоначальному историческому пространству.

Макроисторическая составляющая американского «образа мира», в интерпретации Г.Д. Гачева, выражается в том, что представители США, наподобие «опрометчивых тинэйджеров», не имеют явной привязанности к каким-либо историческим корням. Особую роль в данном вопросе играет «островное» положение США относительно Европы, имеющее гораздо более выраженный характер, нежели это касалось Англии. На этом основании исследователь фиксирует явную ограниченность собственно американской истории, дистанцирующейся от истории Старого Света и коренного населения Америки. Далее Г.Д. Гачев констатирует, что мир в трактовке американцев выглядит как полностью сотворенный «ургией» человека, поскольку труд божества в данном процессе отходит на второй план либо вовсе не берется в расчет. Как следствие, «самоделанный» американец выступает как строитель «самоделанного» и динамичного мира. Данное обстоятельство делает такого человека центром и смыслом мировой истории. Историческое время в понимании американцев, доминируя над пространственными параметрами мира, имеет направленность на будущее, полностью лишённое эсхатологизма, а также обладает достаточно высокой скоростью протекания, которая постоянно увеличивается. В представлении американцев настоящий момент истории во многом детерминирован ее будущими состояниями, поскольку «жизнь в кредит» превращает будущее в определяющий фактор счастливого настоящего, полностью лишённого «страданий». Пространство в рассматриваемом образе «мира» имеет тенденцию к «горизонтальному» расширению, однако всего лишь в ареале Американского континента.

Таким образом, анализ концепций Л.М. Мосоловой, Д.Г. Савинова, О. Шпенглера, К. Гинзбурга и Г.Д. Гачева в отношении изучения «образов» мира-как-истории, формируемых на уровне отдельных культур, позволяет фиксировать и изучать данные феномены познания, определяющие единообразное понимание макроисторической реальности большинством представителей той или иной культуры как минимум на ментальном, архетипическом уровне. Соответственно фактор глубинной схожести многих научных концептов макроистории, создаваемых в контексте той или иной культуры, можно объяснить на основании воздействия отмеченных феноменов.

Разумеется, в подобного рода реконструкциях картин мира не вся информация может быть проверена «экспериментальным» путем и подтверждена однозначными данными. Однако, как уже было отмечено выше, суть «уликовой парадигмы» во многом опирается на научную интуицию исследователя, на его способность абдуктивно мыслить и строить свои выводы и предположения с опорой на весь комплекс знаний, которыми он обладает, ориентируясь на строгие критерии научности и избегая псевдонаучных догадок в построении картин мира представителей прошлых эпох.

Ссылки:

1. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история : сборник статей / пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. М., 2004. 348 с.
2. Мосолова Л.М. «Обыкновенный» горшок и его культурный космос (о феномене гончарного искусства в культуре Древней Евразии) // Мировая художественная культура в памятниках : учебное пособие / отв. ред. М.В. Рон. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. С. 6–23.
3. Там же.
4. Савинов Д.Г. Парадигмы развития наскального искусства // «Homo Eurasicus» у врат искусства : сборник научных трудов / отв. ред. д-р ист., проф. Е.А. Окладникова. СПб., 2009. С. 86–93.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и прим. К.А. Свасьяна. М., 2006. 800 с.
6. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М., 2000. 272 с.
7. Там же.
8. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М., 2008. 544 с.

References:

1. Ginsburg, K 2004, *Myths - logo - features: Morphology and history: a collection of articles*, Moscow, 348 p.
2. Mosolova, LM 2012, "Ordinary" pot and its cultural space (the phenomenon of pottery in the culture of ancient Eurasia)', *World Art in the monuments: a tutorial*, 2nd ed., St. Petersburg, p. 6-23.
3. Mosolova, LM 2012, "Ordinary" pot and its cultural space (the phenomenon of pottery in the culture of ancient Eurasia)', *World Art in the monuments: a tutorial*, 2nd ed., St. Petersburg, p. 6-23.
4. Savinov, DG 2009, 'Development paradigm rock art', in Okladnikov, EA (ed.), «Homo Eurasicus» at the gates of art: a collection of scientific papers, St. Petersburg, p. 86-93.
5. Spengler, O 2006, *The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history: Gestalt and reality*, Moscow, 800 p.
6. Ginsburg, K 2000, *Cheese and worms. Picture of the world of the miller who lived in the XVI century*, Moscow, 272 p.
7. Ginsburg, K 2000, *Cheese and worms. Picture of the world of the miller who lived in the XVI century*, Moscow, 272 p.
8. Gachev, GD 2008, *Mentality of the world*, Moscow, 544 p.